

Разговор, состоявшийся в тот день, всё же принёс свои плоды.

По крайней мере, Фёдор наконец согласился хоть иногда покидать своё уединённое прибежище, чтобы просто глотнуть свежего воздуха.

Однако Кавех по-прежнему оставался крайне напряжённым. И дело было вовсе не во внешнем давлении — просто осознание скорого расставания заставляло его торопиться. Ему хотелось подготовить как можно больше. Помимо практичных вещей, о которых уже позаботился Аль-Хайтам, Кавеху хотелось оставить после себя нечто большее. Память.

«Воспоминания...»

Хотя ему не слишком нравилось это слово, мысли упорно возвращались именно к нему. То, что записывают на бумаге — лишь сухие факты. А вот то, к чему сердце будет тянуться спустя годы, вопреки всякой логике — это и есть настоящие воспоминания. Кавех не был чёрствым человеком. Он прекрасно видел, насколько сильно дети привязались к ним с Аль-Хайтамом, и понимал: эти дни, наполненные простыми домашними хлопотами, навсегда врежутся в их память. Возможно, они будут мысленно возвращаться к ним снова и снова.

От этой мысли на душе становилось одновременно и грустно, и тепло. Раз уж отъезд неизбежен, нужно сделать так, чтобы оставшиеся месяцы стали для всех самыми счастливыми.

— Осталось всего ничего, — негромко вздохнул он. — Слишком мало.

Этого времени не хватит, чтобы увидеть, как дети вырастут и станут взрослыми. Им суждено встретиться вместе всего один Новый год. Кавех отказался от всех оставшихся заказов и целыми днями увлечённо возился дома, мастера что-то загадочное.

Первой эту перемену и скрытую тревогу почувствовала Акико. Обладая поразительной чуткостью, девочка, которая почти никогда не доставляла Кавеху хлопот, молча наблюдала за его суетой. Внешне всё казалось прежним, но Акико видела: он готовится к какому-то грандиозному событию. С точно такой же нежностью и тщательностью Кавех хлопотал каждый раз, когда в доме появлялся новый ребёнок. Вот только сейчас никаких прибавлений не планировалось.

Вывод напрашивался сам собой.

— С Кавехом что-то не так, — тихо заметила Акико, когда они остались наедине с Сакуносукэ Одой.

— Да... — Одасаку, не отрываясь от своего блокнота, медленно кивнул. — Выглядит так, словно

он куда-то отчаянно спешит.

Одасаку всегда оставался невозмутимым и спокойным. Рядом с ним Акико чувствовала себя настолько уютно, что могла говорить о любых тревогах так же легко, как о бродячей кошке, ласковом солнце на подоконнике или погоде за окном.

— Наверное, его что-то сильно беспокоит, — добавил он.

— А как ты думаешь, что именно?

Ответ лежал на поверхности. Конечно же, они сами. Единственное, что могло заставить Кавеха так волноваться, всегда было связано с его воспитанниками.

За долгое время совместной жизни дети научились читать мысли своих опекунов. Придя к общему знаменателю, Акико и Одасаку заговорили о втором взрослом — Аль-Хайтаме, который редко выставлял свои чувства напоказ.

— Он даже не пытается скрывать это от меня, — Одасаку отложил ручку, и выражение его лица стало серьёзным. — Он закупает уйму вещей. Книги, учебные материалы... Всё это рассчитано на годы вперёд, вплоть до нашего поступления в университет.

— Значит... они собираются уехать? — Акико нахмурилась.

Пожалуй, это было единственным логичным объяснением. И всё же в этой версии оставалось слишком много белых пятен.

Тогда они решили расспросить Сюдзи Цусиму, который в подобных тонкостях всегда оказывался гораздо проницательнее остальных.

— Как бы ни хотелось это признавать, но они возвращаются домой, — спокойно ответил Сюдзи.

Когда-то в глубине души мальчик дал им двоим нелепое, почти детское прозвище — «лесные эльфы». Конечно, глупо называть так двух рослых взрослых мужчин, и сходство с крошечными аранарами угадывалось разве что в Кавехе, но Сюдзи упрямо держался за эту мысль. Эльфы — это прекрасные существа из сказок, рождённые детской фантазией или детскими снами.

Впервые встретив их, Сюдзи долго не мог поверить, что они реальны, а не сотканы из его собственных иллюзий. Так что прозвище подходило как нельзя лучше.

— Куда именно они возвращаются?

— Туда, откуда пришли.

На самом деле в глубине души многие обитатели дома уже догадывались об этом. Просто все предпочитали молчать, надеясь хоть немного продлить это хрупкое затишье.

Сюдзи тихо вздохнул. Он даже не думал препятствовать их уходу. За это короткое время мальчик сильно изменился — теперь любая тоскливая или разрушительная мысль мгновенно угасала в его сердце, превращаясь в невесомую пыль и растворяясь в океане искренней привязанности. Он понимал, что любые попытки удержать их станут для Кавеха и Аль-Хайтама лишь тяжёлым бременем.

Поэтому он молчал. И не пытался мешать. Он всегда был трусом — как и его альтернативное воплощение.

Акико, пользуясь правами старшей сестры, ласково потрепала его по волосам.

— Раз уж мы всё поняли, давай сделаем так, чтобы у них остались только самые лучшие воспоминания.

Долгая совместная жизнь сблизила их настолько, что даже думали они теперь одинаково. Сами того не замечая, дети переняли образ мыслей Кавеха.

В доме воцарилась удивительная, почти приторная атмосфера заботы и тепла. Даже привычные шуточные перепалки уступили место мягким, полным нежности расспросам о том, сыты ли все и как прошёл день.

— Как дела?

— Всё отлично.

— В таком случае — доброго утра, доброго дня и доброй ночи.

От этой внезапной семейной идиллии единственный пострадавший в лице Сатору Годзё едва не взвыл.

— Да что с вами всеми не так?! — раздражённо фыркнул он.

Это было невыносимо неловко.

Прятели, с которыми раньше можно было весело устроить какую-нибудь пакость, теперь упорно отказывались от любых шалостей. Акико и Одасаку — единственные, кто был старше

его — то и дело одаривали Сатору такими ласковыми и понимающими взглядами, словно были его дедушкой и бабушкой. Нормально вели себя только Чуя, который вообще ничего не подозревал, нелюдิมый Фёдор и Ранпо, который в последнее время редко появлялся дома. Сатору всерьёз подумывал сбежать в общежитие к Сугуру Гето и Сёко.

— Ну уезжают они, и что с того? — ворчал Сатору. — Время-то ещё есть.

Обладая своим главным преимуществом — «Шестью глазами», — Сатору видел гораздо глубже остальных и понимал истинную природу вещей.

Хотя мотивы ребят были ему ясны, сам Годзё предпочитал действовать куда прямолинейнее.

— Если вам так грустно расставаться, зачем разыгрывать этот спектакль? Постоянно сдерживать себя и притворяться — сомнительное удовольствие.

В смелости Сатору отказать было нельзя. Избалованный вниманием, осознающий свою безграничную силу, он никогда не отличался скромностью. Заставить его промолчать или подстроиться под чужую, пускай и благородную игру, было практически невозможно.

— Раз уж финал близок, скоро представится отличный повод. Почему бы не выложиться на полную ради одного особенного дня?

С этими словами Сатору поднялся, небрежно отряхнул брюки и направился к выходу, бросив напоследок, что вернётся домой только тогда, когда все прекратят этот унылый маскарад.

— А ведь он прав, — тихо произнёс кто-то.

Этим особенным днём было девятое июля — день рождения Кавеха.

Они встретились ранней весной, пережили вместе её расцвет и увядание, а на стыке времён года отправились решать накопившиеся проблемы. Теперь же город накрыло душное, знойное лето. Лишь оглушительный стрекот цикад за окном да лёгкая одежда напоминали о том, как быстро летит время.

Значит, пришла пора готовиться. Этот день должен был стать настоящим праздником.

Раздался негромкий стук. Одасаку приоткрыл дверь в комнату Фёдора.

— Эй, Чуя! — Сюдзи окликнул младшего брата в коридоре.

Акико уже набирала номера Ранпо и Тодзи, настойчиво повторяя в трубку:

— Постарайтесь вернуться пораньше.

Кавех начал замечать, что дети ведут себя странно. Они постоянно перешёптывались, собирались по углам и явно что-то замыслили, отчего на душе у него становилось беспокойно.

«Надеюсь... ничего плохого не случилось?»

По крайней мере, в доме не было слышно ни криков, ни ссор.

Наверное, ребята просто вошли в тот возраст, когда появляются свои маленькие секреты, которыми не хочется делиться со взрослыми. Кавех считал себя понимающим родителем, поэтому не пытался расспрашивать, хотя в глубине души всё же шевельнулось смутное чувство одиночества.

— Знаешь, на кого ты сейчас похож? — не отрывая взгляда от книги, спросил Аль-Хайтам.

— На кого?

— На заботливую наседку, которая пытается запихнуть червяка в клюв каждому птенцу.

— Да как ты... — Кавех возмущённо вспыхнул и принялся горячо спорить с соседом, мгновенно позабыв о недавней тревоге.

Время неумолимо шло вперёд.

Кавех никогда не отличался хорошей памятью на даты, особенно если дело касалось его самого. Обычно он вспоминал о собственном дне рождения только тогда, когда друзья вручали ему подарки. Вот и в этот раз утро девятого июля не стало исключением.

Проснувшись и открыв дверь своей комнаты, Кавех буквально застыл на пороге. Весь дом был украшен гирляндами и яркими лентами. Он удивлённо моргнул, пытаясь сообразить, какой сегодня праздник.

— Неужели забыл? — со смешком спросила Акико.

— Честно говоря... не совсем понимаю, что происходит, — растерянно пробормотал Кавех.

Ребята переглянулись, а затем дружной гурьбой обступили его. Поздравления и тёплые пожелания посыпались со всех сторон — казалось, они готовились к этому моменту очень долго, потому что праздничный гул не затихал добрых полчаса.

Подталкивая Кавеха в спину, дети увлекли его в столовую. На столе высился огромный торт — высотой почти в половину человеческого роста. Кондитерский шедевр выглядел слегка неуклюжим, а кремовые узоры выдавали отсутствие профессионального опыта, но обилие свежих фруктов, щедро выложенных сверху, говорило о том, сколько любви и старания было вложено в это творение.

— Праздновать с самого утра? — удивлённо спросил именинник.

— Конечно! Чтобы ты улыбался с первой же минуты этого дня!

На самом деле у ребят просто не оставалось другого времени — украшать дом и готовить сюрприз им приходилось под покровом ночи, но оправдание звучало безупречно. Кавех действительно сиял от счастья, и эта тёплая улыбка, казалось, уже никуда не исчезнет.

— С днём рождения.

Его младший сокурсник неторопливо вышел из своей комнаты, зажёл свечи на торте и выключил свет.

Плотные шторы на окнах не пропускали ни единого луча, погружая комнату в мягкий полумрак, словно за окном действительно царила глубокая ночь. Лишь тёплые янтарные огоньки свечей выхватывали из темноты счастливые лица.

В этом колеблющемся свете золотистые волосы Кавеха казались ещё ярче — точно так же, как его образ согревал души детей в самые тёмные времена.

— Мне пора задувать свечи?

— Ну разумеется!

Чем старше становится человек, тем глубже он прячет любовь в тайниках своей души. И лишь в такие редкие мгновения он готов вынуть из груди это трепещущее, горящее пламя, словно зажжённую свечу. Кавех щедро делился своим теплом с каждым, совершенно не думая о том, как горячий воск капля за каплей стекает на землю, уходя безвозвратно.

И тогда дети безмолвно решили: «Мы поделимся с тобой собственной искрой. Будем отдавать её по кусочку, пока она не превратится в звезду, способную осветить всё небо».

И они сдержали это обещание.

— Спасибо вам... огромное спасибо, — мягко улыбнулся Кавех.

Он сделал глубокий вдох, задул пляшущие огоньки и негромко произнёс своё заветное желание вслух:

— Я очень хочу стать лучше. И хочу, чтобы вы все выросли счастливыми.

Он принял поздравления и бережно взял нож, чтобы разрезать торт.

Говорят, если произнести желание вслух, оно не сбудется. Но Кавех знал: именно сейчас оно обязательно исполнится, ведь рядом были те, кто готов приложить все силы, чтобы претворить его мечту в жизнь.

На мгновение в комнате воцарилась тишина, а затем столовую взорвал восторженный хор голосов.

Кто-то тихо и счастливо рассмеялся в углу.

Кавех перевёл взгляд через праздничный стол и встретился глазами с Аль-Хайтамом, которого дети уже успели затащить в самый центр этой весёлой суматохи. В этот миг оба они почувствовали, как отступает затянувшаяся тревога.

Беспокоиться больше не о чем. Эти дети уже научились любить. Настоящей, искренней и чистой любовью.

<http://bllate.org/book/18256/1755750>